

КИТАЙ И РОССИЯ

*Л.А. Афонина**

Китайские православные мученики 1900 г.: анализ исторических источников и церковное почитание

АННОТАЦИЯ: В работе предпринята попытка комплексно проанализировать все доступные источники о китайских православных мучениках, пострадавших во время восстания ихэтуаней в 1900 г., рассмотрены широко распространённые исторические мифологемы, связанные с данной темой, а также системно изложена процедура прославления и практика почитания китайских мучеников в Православной церкви на различных исторических этапах.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Китайские православные мученики, восстание ихэтуаней, боксёрское восстание, православие в Китае, Российская духовная миссия в Китае, христианство, Бэйгуань, албазины, храм Всех святых мучеников в Пекине, епископ Иннокентий (Фигуровский), русское кладбище в Пекине.

В истории православия в Китае существует достаточное количество малоизученных тем, что приводит к появлению различных мифов и домыслов, которые, в свою очередь, весьма активно популяризируются без достаточного фундированного исследования. В отличие от католиков и протестантов, православные не могут похвастаться приемлемой для научного анализа степенью каталогизации фактов, событий и персоналий, связанных с историей своей конфессии в Китае. Одним из таких малоизученных моментов является история мученической кончины православных китайцев — жертв восстания ихэтуаней 1900 г.

* Афонина Любовь Александровна, Центр политических исследований и прогнозов Института Дальнего Востока РАН, Москва, Россия; E-mail: liubov.afonina@gmail.com

На рубеже XIX–XX вв. Китай фактически являлся полуколониальной, отсталой страной, в которой во многих сферах хозяйничали иностранцы. Крайне негативно воспринимались рядовым населением навязываемое иностранными державами применение передовых технологий и импорт товаров, поскольку это приводило к разрушению традиционного жизненного уклада и оставляло без источника заработка большие массы людей. Одной из важнейших причин ненависти к иностранцам стала широко распространённая наркомания, ввиду насаждаемого европейцами употребления опиума. Постепенно народное недовольство стало выливаться в социальные бунты, в особенности в северо-восточных регионах, где в последние годы XIX в. вызванные засухами неурожаи повлекли ухудшение и без того бедственного положения людей. Цинское правительство, чтобы перенаправить народный гнев, было заинтересовано в формировании и подогревании общественного мнения, связывавшего беды Китая с иностранным засильем.

Наряду с многочисленными находившимися в Китае иностранцами, занятыми в торговле, строительстве железных дорог, фабричном производстве, в страну приезжали христианские миссионеры, ставившие перед собой амбициозную задачу обращения китайского народа в свою веру.

Миссионерский вопрос особо остро встал после подписания в 1858 г. Тяньцзиньских международных договоров, допускавших свободную религиозную проповедь в Китае. Тогда в Поднебесную хлынули представители различных христианских групп, ранее не представленных в Китае, которые стали активно бороться за своё влияние.

Наряду с талантливыми миссионерами и честными христианами, полюбившими китайский народ и культуру, за что пользовались заслуженным уважением, в стране трудились и многочисленные проповедники, которые проповедуемым ими Словом Христовым оправдывали свой снобизм, некомпетентность и пренебрежительное отношение к окружающей их древней цивилизации. Подобные проповедники далеко не всегда стремились разобраться в традиционной культуре и обычаях, понять менталитет и изучить язык местного населения, часто не относились с должным уважением и к их религиозным традициям.

Немногие из прибывших в Китай миссионеров могли сравниться с яркими примерами проповеди христианства в Азии — иезуитом Маттео Риччи или православным святителем Николаем (Касаткиным).

Маттео Риччи по праву считается основоположником инкультурации в Китае, искавшим в своей проповеди корреляцию христианской этики с традиционными конфуцианскими началами, пытавшимся показать родство духовно-нравственных традиций народов.

Подобно Маттео Риччи, равноапостольный Николай по прибытии в Японию не встал на путь слепого отрицания сложившегося уклада и рьяного навязывания своей веры, но глубоко погрузился в изучение языка, традиций и религиозных верований народа, которому он нёс свою проповедь. Показательными результатами такого подхода стала многочисленная Японская православная церковь, которая к исходу жизни архиепископа Токийского Николая насчитывала около 36 тыс. православных семей, а также уважительное к нему отношение всего японского народа.

В Китае в конце XIX в. наблюдались заметные численные успехи католических и протестантских проповедников, однако факт крещения туземцев обуславливался не всегда истинным восприятием веры адептами, но иногда желанием получения через членство в общинах тех или иных выгод. Несмотря на видимые результаты проповеди, в обществе в целом витал дух негативного отношения к иностранным миссионерам, порой доходивший до настоящей ненависти. Это объясняется как общим недоброжелательным настроением к иностранцам, так и недостойным поведением многих миссионеров, отрывым порицанием ими китайских божеств, что, по мнению народа, могло навлечь их гнев. Миссионеры часто презрительно относились к самим китайцам, укладу их жизни, привычкам и традициям.

В обращениях Цзунли ямэня 总理衙门 (Главного управления по иностранным делам империи Цин) на имя российского посланника в Пекине А.Г. Влангали за 1871 г. содержится характеристика происходившего: «С тех пор как Китай и европейские державы обменялись трактатами, адептами христианского учения стали в основном недостойные люди. Хотя они следуют учению, которое призывает людей к добру, они презирают людей. Они не уважают чувства народа. Притом новообращённые не раз опирались на влияние миссионеров и третировали простой народ. Народ тем более не мог мириться с этим. Результатом стала взаимная вражда между народом и миссионерами. Имели место ссоры и провоцирование инцидентов. Но как только местные власти пытались разобраться, миссионеры брали под своё покровительство своих верующих, тем самым выступая против властей. Чувства народа ещё более восстановились против них. Более того, китайцы — преступники и мятежники, подстрекавшие к бунту... чтобы спастись, принимали христианство и, опираясь на своё влияние, провоцировали беспорядки. В простом народе ещё больше накапливался гнев. Гнев перерастал в ненависть. Ненависть перерастала в противостояние. В различных местах народ, не понимая разницы между протестантами и католиками, в целом выражал недовольство христианством. Не зная различий между

странами Запада, народ выражал общее недовольство в отношении всех иностранцев» [4].

О негативном отношении китайского населения к миссионерам, об «озлобленности миссионерскими промахами» свидетельствовал в дневнике своих путешествий 1907 г. русский китаевед академик В.М. Алексеев. Ему удалось собрать коллекцию красноречивых китайских лубочных картин, ярко выражающих чувства возмущённого населения к миссионерам и призывающих к восстанию против них. Алексеев убеждённо писал о том, что «нескрываемое пренебрежение к национальной китайской религии ... не может не вызвать протеста» [3, 229]. Он указывал и на неоднозначную ситуацию, вызывавшую недоумение китайского населения и связанную с борьбой христианских деноминаций между собой [3, 308], а также отмечал воинствующий настрой католической миссии [3, 424].

По свидетельству В.М. Алексеева, английский консул Э. Вернер строго осуждал миссионеров и имел чёткое убеждение, что миссионеры привезли в Китай оружие против всех европейцев и что именно миссионерскими учениками совершались зверства летом 1900 г. [3, 478].

Российский синолог А.В. Ломанов в книге «Христианство и китайская культура» приводит мнение британского миссионера-протестанта А. Гловера о глубоком чувстве ненависти народа к католикам за «их стремление к мирской власти и дух политических интриг, их тайные и беззастенчивые методы работы, их высокомерные претензии, их вмешательство в работу судов, опирающееся на угрозы обращения к правительству их страны, их закон целибата, их деспотическое использование священнической власти» [17, 322].

Участник защиты иностранных посольств и осады Пекина в мае-августе 1900 г. врач Российской духовной миссии в Китае (далее — РДМК) и Российского императорского посольства В.В. Корсаков при анализе причин произошедшего пришёл к следующему выводу: «Европейская христианская цивилизация внесла в среду языческого, но самобытно-культурного китайского народа такие лицемерия и неправду, что иного исхода, как ненависть и презрение у всех любящих свою родину, европейцы и не могли ожидать. Проявление этой общенародной ненависти составляло лишь вопрос времени и обстоятельств, ей благоприятствующих» [14].

В своих воспоминаниях о событиях 1900 г. он анализировал причины восстания: «Движение это направлено главным образом, чтобы противодействовать католической пропаганде, которая всё глубже внедряется в китайский народ и вносит вражду, раздоры, несогласия в население, подрывает устои народной жизни, вмешивается в поли-

тические интриги и интригами создаёт китайскому правительству много замешательств» [14]. Ситуацию с католицизмом в Китае к концу XIX в. В.Н. Корсаков видел следующим образом: «Католическая пропаганда является не мирной насадительницей великих истин Христового учения, но воинствующей силой, утверждающей в стране своё господство. Прежде всего, католичество пользуется громадной экономической силой в Китае, оно владеет огромными участками земли. Миссионеры скупают постоянно у бедняков-китайцев их земли, на которых и селят своих христиан. Посадив первое зерно, миссионеры начинают влиять, чтобы оно дало плод. Новый член-христианин старается уже обращать, влияя на бедняков, в христианство. Он подготавливает почву. Склонному к принятию католичества бедняку миссионеры тотчас же оказывают помощь или деньгами, или покупкой необходимых земледельцу предметов, или покупая ему землю, а земля для китайца-земледельца — единственный идеал счастья! Создав в селении католическое ядро, миссионеры крепко держат его в руках, а новые члены, католики из китайцев, тотчас же порывают связь со своими братьями по крови. Они взаимно становятся не только чужды, но враждебны друг другу. Если с христианином-китайцем случается какая беда или его обижает китаец-чиновник, то христиан жалуется миссионеру; миссионер немедленно передаёт жалобу в посольство, которое признаёт себя покровителем католичества; китаец-христиан выходит всегда прав: за него стоят горой не только миссионеры, но и христиане-европейцы. Короче сказать, миссионерство католическое создало в Китае своё собственное государство, а из китайцев-католиков создало своих подданных» [14, 90–91].

Он свидетельствовал, что миссионеров в китайском обществе в то время одинаково ненавидели все — и сановники, и чиновники, и войско, и народ. Это не относится в равной степени ко всем европейцам, хотя последние часто обращались с простым народом как со своими рабами, даже избивали их, что не могло не вызывать ответных негативных чувств [14].

Архимандрит Авраамий (Часовников), трудившийся в то время в Российской духовной миссии в Китае (РДМК), следующими словами описал предпосылки к восстанию: «Народ искал причины немилости неба, вместе с тем повсюду его возмущали происки недостойных христиан, обижавших своих соседей земледельцев, опираясь на влияние и авторитет своих иностранных миссий» [15, 189]. Он назвал такое положение вещей «притеснением китайцев-язычников китайцами-христианами»: «Китайцы христиане сами слишком злоупотребляли своими связями с европейцами, запугивали ими свои сельские суды и отнимали земли у соседей» [11, 65].

Таким образом, после 1858 г. увеличилось число христианских миссионеров, приехавших трудиться в Китай, изменился их качественный состав, изменился и сам характер проповеди, что приводило к конфликтным столкновениям миссионеров с китайцами, нередко были случаи нападения и убийств миссионеров [4].

Первая волна антимиссионерских выступлений 1868–1871 гг. привела к спаду активности религиозных миссий в 1870-е гг., но с 1880-х гг. численность миссионерских обществ в Китае стала увеличиваться, что послужило причиной новых народных выступлений, охвативших страну [4].

На фоне описанного обратимся к присутствию православия в Китае. Православная община сформировалась в Пекине в конце XVII в. Её жизнь и дальнейшее развитие были связаны с деятельностью РДМК. Первоначально Миссия была направлена в Китай для духовного попечения о находившихся там соотечественниках — казаках, пленённых китайскими императорскими войсками в 1685 г. во время защиты крепости Албазин. Отсюда и пошло закрепившееся за ними в исторической литературе наименование — албазинцы. Албазинские казаки были расселены в Пекине, включены в состав маньчжурского войска жёлтого с каймой знамени¹, получили в жёны вдов казнённых преступников, а также здание для обустройства православной церкви. Имеются противоречивые исторические сведения о жизни албазинцев в Китае, но ясно, что на протяжении столетий им удалось сохранить память о своём происхождении и о своей вере.

Постепенно Миссия переключилась на решение духовных задач в отношении находившихся в Китае русских, а албазинцами занимался один иеромонах из числа её клира. К тому же, за первые более чем 150 лет своего существования РДМК вынуждена была решать несвойственные церковному представительству задачи, а именно — обеспечивать дипломатическое взаимодействие цинской и российской империй. Только после учреждения российского посольства в Пекине в 1861 г. РДМК смогла сосредоточиться исключительно на церковной деятельности.

В силу активной деятельности Миссии к концу XIX в. православная вера стала распространяться среди местного населения. К 1898 г. община православных китайцев в Пекине насчитывала 458 чел. [15, 188]. У Миссии было пять храмов — в Пекине Успенская церковь в Северном подворье (Бэйгуани) и Сретенская при дипломатической

¹ «Восемь знамён» — маньчжурский принцип административного деления, совмещающий военные и гражданские элементы, неотъемлемая часть государственности в империи Цин.

миссии (ранее — Южное подворье РДМК), церковь во имя святителя Иннокентия Иркутского в деревне Дундинъань (район городского подчинения Тунчжоу в 50 км от Пекина), Александро-Невская в Ханькоу (Ухань), Троицкая в Калгане (Чжанцзякоу) [24, 86].

В конце XIX в. в жизни православной общины Пекина произошло знаменательное историческое событие — был рукоположен первый в истории китайский священник — о. Митрофан Ян Цзи (杨吉). Ян Цзи родился 17 января 1856 г.² (по традиционному китайскому календарю — 10 числа 12 месяца года *и-мао/52*) [2], род его относился к маньчжурскому знаменному войску. Он лишился отца в раннем детстве и воспитывался православными бабушкой Екатериной и мамой Мариной, последняя была учительницей в женской миссийской школе. Начальник 15-ой РДМК (1865–1878) архимандрит Палладий (Кафаров) уделял особое внимание воспитанию Митрофана с целью приготовить его впоследствии к принятию священного сана. Он поручил его обучение своему учителю *цзюйжэню*³ Лун Юаню.

До принятия священного сана Ян Цзи трудился в Миссии катехизатором и переводчиком. Будучи смиренным и молчаливым человеком, считая себя недостойным, он отказывался от священства. Однако был убеждён начальником 16-ой РДМК архимандритом Флавианом (Городецким). По ходатайству архимандрита Флавиана от 14 января 1881 г. Священный синод своим решением от 7 октября 1881 г. утвердил Митрофана достойным к принятию священного сана. Надо особо отметить, что такая позиция в штате Миссии существовала с 1863 г., однако никем не замещалась в силу отсутствия подходящих кандидатов.

В своём ходатайстве архимандрит Флавиан следующим образом характеризовал Митрофана: «Катехизатор Миссии Митрофан Цзи как по нравственным своим качествам, так и по основательному знанию православно-христианского вероучения представляется вполне достойным, способным и благонадёжным к замещению оной (вакансии. — Л.А.) священник из туземцев» [27].

В 1882 г. во время пребывания в Токио в период проведения Всеяпонского православного собора Митрофан 27 июня принял дьяконский, а затем 29 июня — и священнический сан. Поставление в священные степени было совершено возглавлявшим Российскую духов-

² Все события и документы, относящиеся к периоду до 1 февраля 1918 г., датируются по юлианскому календарю (старый стиль), с 1 февраля 1918 г. — по григорианскому (новый стиль).

³ Вторая из трёх учёных степеней в системе государственных экзаменов эпох Мин и Цин.

ную миссию в Японии епископом Ревельским Николаем (Касаткиным) в Воскресенском кафедральном соборе. В этой поездке в Японию Митрофана сопровождали катехизатор Павел Ван Вэнь (王文) и переводчик РДМК Евмений Ли Юй (李玉), которые тут же были пострижены в чтецы, а также начальник 16-ой РДМК архимандрит Флавиан.

Отец Митрофан нёс своё священническое служение в Успенском храме в Бэйгуани. С его рукоположением была установлена практика совершения богослужений на китайском языке. По воспоминаниям его потомков, на подворье миссии его называли «Цзи шэньфу» (吉神父), т.е. священник Цзи, производя от его китайского имени, или же «Фань шэньфу» (梵神父), т.е. священник Фань, — от его имени в крещении Митрофан (弥特罗梵).

Своё пастырское служение он совмещал с преподаванием в мужском училище Миссии [15, 166]. Известно, что Митрофан прекрасно владел русским языком и активно занимался переводами духовной литературы. С его участием, а также катехизатора Павла Ван Вэня и других были исправлены, переработаны и дополнены Часослов, Малый требник, Служебник, переведены акафисты Спасителю, Божьей Матери, ангелу-хранителю, сделаны новые переводы воскресных служб Октоиха, служб всех двенадцатых праздников, служб Страстной и Пасхальной седмиц, чинопоследования панихиды и целого ряда иных духовно-нравственных книг [15, 164].

Письменно зафиксирован процесс проводившейся в 1883–1884 гг. работы по переводу полных воскресных служб Октоиха. Русские иеромонахи прочитывали славянский текст, излагали его архимандриту Флавиану на русском языке, который простой китайской речью диктовал его о. Митрофану. О. Митрофан перекладывал его на учёный язык вэньянь, затем учитель Осия Чжан, имевший учёную степень, редактировал китайский текст, после чего переводчик Евмений Ли Юй проверял точность смысла переводимого места [15, 169].

За свои переводческие труды о. Митрофан был награждён 5 апреля 1884 г. набедренником [28].

В силу смиренного и тихого нрава иерея Митрофана Ян Цзи, присутствующих ему доброты и доверчивости он часто терпел обиды от людей, многие злоупотребляли его нестяжательным характером. Одновременно с этим он страдал нервными припадками, которые с каждым годом учащались и довели его до душевной болезни, так что к концу 17-ой миссии (1884–1896) он стал чуждаться людей и уже не мог ни служить в церкви, ни работать с переводами [15, 182]. С 1897 г. священник перестал совершать регулярные богослужения, жил тихой жизнью в своём родовом доме вблизи Бэйгуани. Святейший синод из уважения к его трудам назначил ему пожизненную пенсию в 240 руб-

лей в год [21]. Семейство священника составляли его супруга Татьяна Ли и сыновья Исая, Сергей и Иоанн.

Для продолжения практики служения на китайском языке после болезни о. Митрофана в октябре 1897 г. архимандрит Иннокентий сделал представление Святейшему синоду о посвящении двух кандидатов из китайцев в священные степени — Павла Ван Вэня в священника, Иннокентия Фань Чжихая в дьякона [15, 186].

Важно отметить, что за два столетия мирного и легального существования РДМК, в отличие от других христианских миссий, никогда не подвергалась ни преследованиям со стороны властей, ни нападением толпы [25]. Однако в мае–июне 1900 г. православной общине Пекина пришлось пережить тяжелейшие испытания.

В 1898 г. в провинции Шаньдун началось патриотическое движение против иностранцев секты «ихэтуаней» — дословно «отрядов справедливости и мира», обернувшееся многочисленными жертвами. Зарождение движения ихэтуаней приходится на период японо-китайской войны (1894–1895), когда после её окончания вольнонаёмные китайские войска были распущены и в силу отсутствия другого источника заработка бывшие солдаты стали группами грабить местных жителей. Тогда населением для самозащиты был образован союз ихэтуаней. Это общество ставило своей задачей защиту угнётённых и поддержание справедливости.

Обретение движением направленности против иностранцев именно в провинции Шаньдун неслучайно. Там в конце XIX в. господствовали немцы, их обращение с населением приводило к конфликтам и столкновениям, в результате чего люди создавали военные союзы с тем же названием «ихэтуань» для борьбы с немцами. Впоследствии отряды самозащиты превратились в политические союзы, имевшие намерение отстоять целостность и самостоятельность Китая и заменить маньчжурскую династию китайской.

Движение против европейцев постепенно пополнялось новыми членами. Восставшие, захватывая отдельные населённые пункты, вступали в сражения с войсками и продвигались всё ближе к Пекину. По пути они жестоко расправлялись с христианскими поселениями, считая, что миссионеры принесли в Китай бедствия для народа, а китайцы, принимая христианство, отступали от культа почитания предков и Будды, за что Небо наказало народ, послав засухи и болезни [14].

Символом ихэтуаней был сжатый кулак. По этой причине, а также ввиду того, что в рядах восставших было много мастеров китайских боевых искусств, они были прозваны европейцами «боксёрами». Ихэтуани ставили своей целью уничтожение всего иностранного, а также китайцев, которые имели связи с иностранцами — будь то тор-

говые или религиозные. Они находили европейцев и миссионеров виновниками всех бед, обрушившихся на Китай, считали истребление врагов подвигом, к которому готовились с особым рвением; называли иностранцев бесами, крещёных китайцев исчадиями их, а некрещёных китайцев, имеющих с ними отношения, вторыми исчадиями [18].

Риторика ихэтуаней была полна суеверных языческих и буддийских понятий с элементами мистицизма — колдовством и заклинаниями. Они знали, что бороться с хорошо вооружёнными европейцами невозможно обычными средствами, поэтому стремились сделаться неуязвимыми для оружия посредством упражнений и чтений заклинаний. Они призывали к вселению в человека духа, который мог проявлять в нём громадную силу, недоступную обычным людям. В.Н. Корсаков так описывал эти ритуальные действия: «Они вставали лицом на юго-восток перед жертвенными свечами, читали нарастающую заклинательную молитву и сжигали на свече жертвенные бумажки, призывая духа вселиться в них. После этого они становились на четвереньки, сложив особым образом руки, и начинали делать туловищем раскачивающие движения из стороны в сторону. Эти монотонные упражнения доводили людей до состояния нервного иступления, рождая фанатически настроенную массу» [14].

Новый член общества должен был сделать перед жертвенником три земных поклона, складывая ладони рук вместе и поднося их ко лбу. Затем он падал и лежал около часа с закрытыми глазами, а после, не открывая глаз, начинал производить руками движения, как будто рубит ножом [11, 67]. Когда руководители признавали готовность нового члена, то давали ему освящённые нож и саблю. После этого упражнения проделывались уже в храмах, к ним подготавливались суточным постом, а всем членам общества запрещалось употреблять в пищу мясо животных. Немалую роль среди восставших играли буддистские бонзы [14].

Отряды ихэтуаней имели общинное устройство. В основу организации общества были положены кружки, руководимые одним из опытных членов общества. Когда такой кружок достигал достаточной подготовки, члены его собирали новые кружки и сами становились их руководителями [14]. Бойцы отряда носили красные кушаки и красные повязки на голове, на которых часто был написан иероглиф «фо», т.е. Будда.

Руководители отрядов распространяли слух о сверхъестественных силах их участников. Существовали поверья, согласно которым боксёры были неуязвимы для холодного оружия и ружейных пуль, им не нужен огонь для поджогов зданий — достаточно лишь указать

на них пальцем. Ихэтуани говорили, что видят белый дым над домами, в которых скрываются христиане [18].

Простые люди охотно верили во всё это, равно как и в бессмертие ихэтуаней. Считалось, что состояние видимой смерти ихэтуаней могло продолжаться три дня, после чего они вставали и продолжали сражаться дальше. Есть свидетельства о том, что некоторые боксёры надевали на себя панцирь из плотно спрессованной ваты в качестве защиты и для поддержания мифа о неувязимости [14].

Увлечение учением тайного общества ихэтуаней охватило многих подростков и молодых людей в Пекине, которые прибегали к ритуальным действиям и телесным упражнениям для достижения чудесной силы и неувязимости. Боксёрами делался также весь уличный сброд, встречалось много нищих, которые шли в отряды ради пропитания [14]. Надо добавить, что в отсутствие дождя крестьяне оказались без всякого занятия, бездействие и осознание неминуемого голода в неурожайном году толкали их на участие в боевых отрядах ихэтуаней, где после посвящения им выдавали пищу.

Население в большинстве своём сочувствовало боксёрам, верило в их праведное предназначение, смотрело на них как на небесное воинство. Люди оказывали боксёрам поддержку как из чувства страха за собственную жизнь, так и в надежде на восстановление справедливости и из ненависти к иностранцам. В.Г. Дацышен в работе «История Российской духовной миссии в Пекине» указывает: «Измученный тяжёлой жизнью, доведённый до отчаяния хаосом и стихийными бедствиями народ верил, что только с помощью убийства иностранных миссионеров можно восстановить гармонию в природе и обществе» [7].

Что касается китайских христиан, то к ним всегда сохранялось неприязненное отношение в народе, но с началом движения боксёров оно переросло в настоящую ненависть.

Весной 1900 г. в Пекине и его окрестностях стали расползаться известия об успехах восстания ихэтуаней, о чудесных свойствах членов секты, о сожжении христианских миссий на их пути. В то же время стали появляться прокламации, призывавшие к восстанию против европейцев. Среди жителей города стали распространяться слухи, будто европейцы отравляют воду в колодцах, что и является причиной эпидемий различных болезней и высокой смертности. В листовках также говорилось, что дождь не пойдёт, пока европейцы не будут изгнаны из Пекина [18].

С середины мая боксёры стали развивать активность на всём протяжении между Тяньцзинем и Пекином. Китайское население всегда враждебно относилось к европейцам, а с проведением железной

дороги из Тяньцзиня в Пекин, когда десятки тысяч людей остались без заработка от перевозки пассажиров и грузов, возбудить в них чувство ненависти было несложно. 23 мая было разрушено железнодорожное сообщение между городами. Тогда правительство ещё пыталось посылать войска, чтобы остановить повстанцев, но в то же время доносились известия, что солдаты добровольно переходят на сторону боксёров [14].

В мае 1900 г., получив поддержку от императрицы Цыси, отряды ихэтуаней двинулись на Пекин. По письменному свидетельству протоиерея Сергия Чан Фу (常福, сына священномученика Митрофана Ян Цзи), незадолго по появления боксёров в Пекине полиция города собирала сведения о количестве христиан из китайцев, проверяя списки по улицам, проводя своего рода регистрацию [18]. С учётом этого свидетельства, а также того факта, что повстанцы часто выходили на расправу вместе с солдатами императорской армии, всё произошедшее в те дни представляется результатом осознанного внутривластного решения, принятого на самом высоком уровне.

В тот год погибла половина православной общины Пекина. Днями мученического подвига основной части погибших стали 10 и 11 июня 1900 г. Об их жизнях и подвиге сохранилось не так много свидетельств, во многом это скудные и противоречивые сведения. Мы можем представить себе, что это были за люди, как они жили и как умирали, на основании дошедших до нас следующих материалов.

Самым ранним и основным источником является список, предоставленный начальником 18-ой РДМК архимандритом Иннокентием (Фигуровским) 11 октября 1901 г. Святейшему правительствующему синоду и опубликованный в журнале РДМК «Китайский благовестник» в 1904 г. [34]. Он был составлен по показаниям родственников и соседей мученически скончавшихся христиан. Данный список, вероятно, был использован в качестве основания для определения размера контрибуции со стороны китайского правительства. Список может использоваться как опорный материал, но не предоставляет исчерпывающей информации, содержит целый ряд неточностей, при сравнении с последующими источниками вызывает много вопросов.

Некоторые дополнительные сведения о нескольких мучениках удаётся почерпнуть в «Похвале убиенным» иеромонаха Авраамия (Часовникова), опубликованной в «Известиях Братства православной церкви в Китае» в 1905 г. [38]. Несколько ранее в 1905 г. опубликованная там же в разделе «Хроника церковной жизни» статья «Праздник всех мучеников» даёт информацию о возобновлении жизни общины после трагических событий, о первом чествовании памяти пострадавших, о поминовении погибших от рук ихэтуаней христиан [36].

Заметка «Святые мученики» в «Китайском благовестнике» за 1911 г. сообщает некоторые подробности трагедии [30].

Важнейшим свидетельством является «Сказание о мучениках Китайской православной церкви, пострадавших в Пекине в 1900 году» архимандрита Авраамия (Часовникова), впервые опубликованное в журнале «Китайский благовестник» в 1917 г. [31]. Оно даёт наиболее подробную информацию о большинстве пострадавших. Вероятнее всего, текст составлялся по воспоминаниям очевидцев спустя более 10 лет после трагедии.

Интересными представляются опубликованные там же в 1918 г. воспоминания сына священномученика Митрофана протоиерея Сергия Чан Фу под названием «Материалы для актов мучеников в Китае. Записки священника о. Сергия Чан» [18].

На основании приведённых источников мы предприняли попытку сопоставить и проанализировать все имеющиеся данные о китайских мучениках. Результатом стала созданная на базе дополненной и исправленной таблицы архимандрита Иннокентия новая таблица, включившая в себя максимально возможные сведения о людях, пострадавших за веру в Пекине в 1900 г. (см. Приложение).

Первыми из православных христиан, которым пришлось встретиться с бунтующими убийцами, стали жители деревни Дундинъань (东定安) в 50 км от Пекина, где располагался миссионерский стан и церковь во имя святителя Иннокентия Иркутского. Здесь проживало несколько семей православных китайцев, обращённых в 1860-е гг. [15, 165].

В апреле 1900 г. ихэтуани образовали здесь стан и стали вербовать местных жителей. Окрестные язычники стали угрожать православным сожжением их храма. После получения письма о положении дел в деревне, а также зная о христианских жертвах в других населённых пунктах, начальник 18-ой Миссии архимандрит Иннокентий (Фигуровский) вместе с добровольцами (певчими и учителями) предпринял рискованную поездку в Дундинъань для оказания духовной поддержки верующим. Там он совершил службу в храме, посетил дома христиан [15, 190]. Важно отметить, что даже в таких условиях страха и неизвестности люди принимали крещение — архимандрит в этот приезд совершил таинство над шестью верующими. Окрестные жители, видя совершения таинства, ругали крещаемых бранными словами [18].

При этом были и печальные факты перехода православных христиан на сторону ихэтуаней. Интересно следующее указание о. Авраамия (Часовникова): «семья, предавшаяся из страха на сторону ихэтуаньцев, оказалась в бегах» [11].

За несколько дней до трагедии на стене подворья было наклеено объявление о том, что храм будет разрушен [11]. Через всего несколько дней после визита архимандрита 25 мая в шесть часов дня в деревне появился отряд боксёров — не более десяти человек, сопровождаемый толпой людей. Они совершили на площади ритуальное моление с зажжёнными факелами, после с криками «ша» («убивать») повалили закрытые ворота храма и звонницу, устроенную в виде триумфальных ворот на деревянных столбах с навесом, подожгли сторожку, а затем устремились к церкви. Пока боксёры разбивали дверь храма, женщины и дети из местных жителей приносили солому и камыш для поджога. Ценных вещей в церкви не было, поэтому погром ограничился тем, что были выбиты стёкла, разбросаны книги и подсвечники. Церковь была облита горючим веществом и моментально вспыхнула от факелов [11, 71].

Другая часть боксёров в это же время поджигала дома христиан, большинству из которых удалось убежать. Но были и убитые, среди которых оказались и язычники, подозреваемые в сочувствии христианам. По сведениям о. Авраамия, в тот день в деревне Дундинъань было разграблено и сожжено от 4 до 6 домов христиан, убиты две женщины-язычницы из христианских семей и один или два христианина, а остальные предались бегству [11, 72]. Он также сообщает о печальном обстоятельстве, что на сторону боксёров перешли и ученики миссийской школы, но они ещё не были крещены и учились в ней совсем недолго.

При разных обстоятельствах и в разное время среди православных жителей деревни жертвами расправы стали 10 (по другим сведениям 9) человек, среди которых были дети. На следующий день убежавшие от расправы православные принесли известие о случившемся в Пекин [18].

С большинством христианских общин боксёры расправлялись по тому же сценарию, как это произошло в деревне Дундинъань. Они за несколько дней предупреждали о своих нападениях на конкретные селения или здания в расклеенных на улицах прокламациях. В назначенный день (а чаще с некоторой задержкой) они приходили, устраивали моление и с зажжёнными факелами устремились на храмы, обливая их горючим составом, а потом на дома христиан. Не успевших убежать убивали или бросали живыми в огонь. Сами ихэтуани не пользовались имуществом миссий и христиан, но шайки грабителей, которые шли следом, растаскивали ценные вещи и добывали несчастных жертв.

В прокламациях, появившихся в Пекине, было указано, что разрушение православной миссии в Бэйгуани было запланировано на 27

мая, а часовни на православном кладбище — на 29 мая. Стены и ворота Бэйгуани были предназначены для мирного использования и не выдержали бы никакой серьёзной атаки. При этом по соседству была расположена городская стена, которая по своей высоте превосходила все миссийские постройки, что делало оборону невозможной [11, 69].

Все иностранцы Пекина и окрестностей в то время собирались в посольском квартале. В связи со сложившейся ситуацией русский посланник в Пекине М.Н. Гирс лично отправился к архимандриту Иннокентию и убедил его и членов Миссии оставить Бэйгуань и с желающими из православных китайцев переселиться под защиту посольства. Архимандрит Иннокентий согласился на это только после долгих убеждений [14].

Приняв решение об отъезде, архимандрит Иннокентий собрал свою китайскую паству и говорил им о необходимости покинуть Бэйгуань. Он предложил им или искать спасения в другой местности, или идти с ним в посольство. В русское посольство осмелились отправиться только двое из китайцев — Яков Ци (齊) и Лука Цюань (奎). Про Якова сведений почти не сохранилось, кроме того, что он был слугой при Миссии. А про Луку известно, что он был вдовым стариком старше 60 лет, потомком русских, в котором сохранились черты лица европейца, но по-русски говорил очень плохо. Он был набожен, бывал в церкви на всех богослужениях, среди христиан пользовался влиянием и уважением, занимал в албазинском полку какую-то административную должность и имел чин майора. На момент трагедии у него были женатые дети, которые решили искать убежища в другом безопасном месте [14]. После трагедии Лука Цюань был пострижен в монахи с именем Папий.

Остальные православные китайцы не отважились последовать с русскими миссионерами, находиться рядом с европейцами в те дни было слишком опасно — в эти дни посольства покинули все прислуживавшие там китайцы.

Так, вечером 26 мая из Бэйгуани в посольский квартал под защиту армии переехали все русские миссионеры — архимандрит Иннокентий, иеромонах Авраамий (Часовников), священник Николай Шастин, дьякон Василий Скрижалин, два студента РДМК и два китайца, которые оставались с начальником Миссии до конца осады. Известно, что один из них всё время тосковал, казался больным и отказывался от пищи [11, 74]. Китайские верующие со страхом и бледными лицами провожали телеги с отъезжающими [15, 190].

Китайское правительство декларировало обязательство охранять миссийское имущество и приставило стражу. Миссионеров уверяли, что церковь и жилые помещения сдаются под ответственность китай-

ского министерства иностранных дел и что приедут чиновники опечатывать имущество, чего не произошло [11, 73]. Перед отъездом миссионеры проверили имущество по описям, взяли с собой только наиболее ценные вещи из церковной утвари — священные сосуды и Евангелие [15, 190], а также древнюю икону — Можайский образ святителя Николая Мирликийского, принесённый албазинцами в Китай в конце XVII в. [18]. Остальные священные предметы были зарыты под алтарём в церкви.

Православные китайцы в течение пяти дней приходили в посольство и рапортовали начальнику Миссии о благополучии Бэйгуани и о том, что китайские солдаты оберегают её [11, 74].

29 мая вышел императорский указ, назначавший главным канцлером великого князя Чунь⁴ (醇亲王) Цзайфэна (載沅)⁵. Он был известен как непримиримый враг европейцев и куратор боксёрского восстания. Новый кабинет министров был сформирован из семи членов консервативной и враждебной европейцам партии, трое из них имели отношение к руководству движения ихэтуаней [18].

Начавшаяся осада иностранных посольств, осуществляемая боксёрами и регулярными войсками, продолжалась два месяца. Бесперывные атаки днём и ночью были очень изнурительными для всех. Люди жили в крайне переполненных помещениях, испытывая недостаток продовольствия, жару, воздействие множества насекомых, болезни.

Но тем не менее европейцы не оставляли китайских христиан [30]. Так, в английском посольстве во время осады проживало 356 китайцев [11, 87]. Важно отметить, что китайцы-христиане оказывали неоценимую помощь в работе по обустройству баррикад и земляных окопов [15, 191].

Более 1500 китайских христиан под защитой четырёх десятков французских и итальянских морских пехотинцев укрывались в католическом кафедральном соборе Христа Спасителя (Бэйтан 北堂), находясь в окружении китайских солдат, подвергаясь непрерывной осаде, в стеснённых условиях и при ограниченных запасах продовольствия [23].

Итак, с конца мая боксёры стали проходить военным строем по пекинским улицам [18], в местах расположения христианских общин расклеивались объявления, содержавшие информацию, в какой день какие христианские кварталы и здания будут разрушены [30]. С 31 мая начались поджоги зданий миссий в городе, жилищ европейцев, а

⁴ Один из высших официальных титулов в эпоху Цин.

⁵ Отец последнего императора Китая Пуи.

также кварталов, где жили китайцы-христиане. Были разрушены католические соборы Непорочного зачатия Пресвятой Девы Марии (Наньтан 南堂), Пресвятой Девы Марии с горы Кармель (Ситан 西堂), святого Иосифа (Дунтан 东堂), а также православная часовня на кладбище, несколько протестантских церквей. Вместе с боксёрами в грабежах и поджогах участвовали толпы бедняков, многие из которых специально приехали в Пекин для мародёрства.

Боксёры держали жителей Пекина в повиновении, принуждая их к принесению жертв и поклонению языческим богам, наблюдая, как усердно это будет исполняться [11, 68]. Например, от жителей города требовали выставлять у входа в их жилища чашки с водой и возжигать над ними курительные свечи, непослушных ждали ограбление и смерть [30].

Повсеместны были доносы — соседи указывали боксёрам на дома христианских семей. Язычники из чувства страха выгоняли из домов своих детей христиан [30].

Боксёры использовали довольно странные способы для определения христиан, в результате чего наряду с христианами пострадало и немало язычников. Подозреваемого в исповедании христианской веры ударяли по лбу ладонью руки, веря, что у христиан на фоне возникшей от удара красноты будет проявляться белый крест [30]. Часто достаточно было только указать боксёрам на человека, сказав, что он христианин, как его тут же убивали.

Миссия была разрушена 1 июня [18]. Так как ворота были заворены, бойцам пришлось ломать стену, используя разрывные ракеты. Вначале подверглись разграблению квартиры миссионеров, библиотека, школа и типография. Уничтоженными оказались архивы миссии и богатейшая библиотека, в которой хранилось много редких книг [6]. После этого разбойники сломали двери в Успенскую церковь, разграбили её и подожгли. Разрушая церковь, боксёры взобрались на колокольню и палками били по колоколам, производя бессмысленный звон. Колокольня обгорела к двум часам ночи, сначала упал главный колокол, а затем и другие колокола [11, 94]. Вместе с боксёрами и мародёрами в разграблении подворья Миссии участвовали и солдаты императорской армии [18].

После сожжения миссии многие православные убежали из города, но в скором времени им пришлось возвратиться в свои дома, поскольку они не имели возможности ни скрыться, ни приютиться, ни питаться вне Пекина [11, 92].

Незадолго до массовых убийств в городе около семидесяти православных китайцев собрались в доме священника Митрофана. Верующие находились в тягостном предчувствии и томительном ожидании

смерти. Отец Митрофан укреплял словами поддержки собравшихся, среди которых были и его прежние обидчики. Известно, что сам он по несколько раз в день ходил смотреть на сожжённую церковь [31].

Накануне страшной ночи с 10 на 11 июня квартал, где были расположены дома православных, был оцеплен солдатами. Они следили с городской стены за действиями боксёров, которые в сопровождении толп народа проникали во дворы домов с зажжёнными факелами в руках. Если хозяева выражали покорность — вставали на колени, возжигали фимиам в честь духов, то их оставляли жить. Если же хозяева не повиновались, то боксёры врываются в их дома, вынося оттуда имущество и выводя людей, чтобы тут же убить их на пороге копьями и ножами, одновременно поджигая дом, часто с живыми людьми внутри.

10 июня в десятом часу вечера солдаты и боксёры окружили двор священника. Наиболее сильные и ловкие из находившихся там смогли покинуть дом — кому-то из них удалось избежать тяжёлой участи, кто-то был настигнут и убит. В доме остались священник со многими женщинами и детьми.

О. Митрофан был найден убитым во дворе дома под финиковым деревом, на груди его было до тридцати колотых ран. Самодельное оружие боксёров было железным и ржавым, оно наносило очень болезненные рваные удары. Иерей Митрофан Ян Цзи вышел во двор дома навстречу убийцам, оставив женщин и детей внутри, вероятно, в надежде, что одной его смерти им будет достаточно. Однако убийцы не пожалели находившихся в доме детей и женщин, подвергнув их мучениям и смерти. Дом священника был сожжён, многие погибли в огне.

Боксёры слышали об учении христиан о воскресении мёртвых. Чтобы предотвратить воскресение их тел, они долго били и кололи уже мёртвых людей (как это было и в случае с о. Митрофаном), и именно поэтому стремились сжигать тела убитых [30].

Другая группа православных христиан была отведена за ворота Аньдинмэнь (安定门) в боксёрский стан близ храма Земли (Дитань 地坛), где 11 июня утром состоялась их массовая казнь. Среди них была и супруга о. Митрофана Татьяна Ли, которая в день гибели мужа спаслась от смерти, но на следующий день была казнена через отсечение головы. Место их мученической смерти в исторической литературе и в воспоминаниях албазинцев называется Треугольником (三角地), там располагалось старое албазинское кладбище, а позднее на месте мученичества обустроилась богадельня.

Старшему сыну иерея Митрофана Исайе было 23 года, когда ему отсекали голову у ворот Пинцзэмэнь (平则门, ныне — Фучэнмэнь 阜

成门). Среднему сыну Сергию Чан Фу удалось избежать смерти, впоследствии он стал священником, продолжив дело отца по духовному руководству китайской паствой. Младшему Иоанну, которому было около 8 лет, боксёры в день нападения на дом его отца разрубили плечи и отрубили пальцы на ногах, нос и уши. На следующую ночь невеста его брата Исаяи Мария спрятала его в отхожем месте, на утро Иоанн сидел у входа без одежды и обуви. На вопрос людей, больно ли ему, он отвечал, что «страдать за Христа не больно». Ему пришлось претерпеть издевательства мальчишек из соседних дворов. Он просил воды у соседей, но был отвергнут. Позднее был схвачен карателями во второй раз и замучен до смерти [31].

Тяжёлым испытаниям подвергались верующие, которых приводили в стан боксёров, там их заставляли отречься от веры во Христа, возжигать благовония буддийским божествам. Местом мученического подвига многих православных китайцев стал древний буддийский храм Чэньэньсы (承恩寺), который располагался в хутуне Дунсы Батяо (东四八条胡同). Хутун сохранился в своём историческом виде с постройками, которые видели страдания православных китайских мучеников, однако находившиеся там кумирни были закрыты и перестроены в жилые здания в первые годы после образования КНР.

Архимандрит Иннокентий свидетельствует о подвиге китайских христиан: «Ещё накануне по улицам расклеены были прокламации, призывавшие язычников к избиению христиан и угрожавшие смертью каждому, кто осмелился их укрывать, в ночь ... боксёры с горящими факелами, появившись во всех частях Пекина, нападали на христианские жилища, хватили несчастных христиан и истязали их, заставляя отречься от Христа. Многие в ужасе перед истязаниями и смертью отрекались от православия, чтобы спасти свою жизнь, и воскуряли фимиам перед идолами. Но другие, не страшась мучений, мужественно исповедовали Христа. Страшна была их участь. Им распарывали животы, отрубали головы, сжигали в жилищах. Розыски и истребления христиан продолжались и все последующие дни восстания. После разрушения жилищ христиан их самих выводили за городские ворота в языческие кумирни боксёров, где производили им допрос и сжигали на кострах» [22].

В те дни повсюду в Пекине можно было видеть обгорелые трупы с разбитыми головами, распоротыми животами, отрубленными головами и конечностями, перерубленные пополам или с разбитыми черепами детские тела.

Люди пребывали в страхе, пытались избежать смерти — кому-то удалось выкупить свою жизнь, но кто-то погиб, несмотря на выплаченные боксёрам деньги, кому-то посчастливилось бежать за город

или чудесным образом укрыться в городе. Страх и отчаяние рождали и попытки суицида, были отрекшиеся от веры и поклонившиеся идолам, кто-то искал приюта у родственников, другие затаивались на кладбище. Из чувства страха или ненависти родственники и соседи выдавали христиан боксёрам. Многих сожгли заживо в домах, иных закололи копьями, изрубили мечами, кого-то долго держали в боксёрских станах, всячески издеваясь, распространённой казнью было обезглавливание. Убийцы не щадили ни детей, ни женщин. В источниках упоминаются также случаи ритуального извлечения и поедания ихэтуанями сердец своих жертв. Погибшие от рук убийц православные были также найдены в колодце, заброшенные камнями.

Когда христиане пытались бежать из города, императорские солдаты ловили их при выезде из городских ворот. Беглецы подвергались допросу и казни в одной из кумирен за воротами Аньдинмэнь, неподалеку от которой были зарыты их тела.

Китайские власти не принимали никаких мер по предотвращению разгула насилия.

Среди мучеников, пострадавших за веру, было много албазинцев. В предшествующих восстанию ихэтуаней материалах РДМК имелись свидетельства об албазинцах как невежественных людях, забывших своё отечество и веру, ленивых, в своей праздности лишённых нравственных добродетелей, склонных к порокам [10]. В ситуации критического выбора, когда сохранение жизни зависело от несложных ритуальных действий, эти люди делом засвидетельствовали верность Христу до смерти. Так, о. Авраамий в своих воспоминаниях писал: «Все эти сомнительные христиане, которых мы считали индифферентными к религии и церкви, теперь рыдали как дети, навзрыд плакали о гибели храма Божия» [11].

В числе погибших в ходе массовых убийств оказались и Павел Ван Вэнь и Иннокентий Фань Чжихай, которые были представлены Синоду в качестве кандидатов на принятие священных санов. В своём ходатайстве в Святейший синод архимандрит Иннокентий сообщает, что Павел Ван, рекомендуемый им в священники, состоял в должности катехизатора 15 лет, был «отлично рекомендован прежними начальниками Миссии как в нравственном отношении, так и в исполнении своих обязанностей; хорошо знает Священное Писание, каноны церкви и церковный устав». Про предлагаемого в дьяконы Иннокентия Фаня сказано, что он более 20 лет с усердием трудился на пользу Миссии, «в совершенстве знает церковный устав, читает по-китайски и по-славянски церковные книги хорошо, весьма усерден в исполнении своих обязанностей и недурно управляет хором»

[29]. Синод утвердил их кандидатуры 15 мая 1900 г., но им не суждено было об этом узнать [11].

Мучительным образом в те дни погибли более двухсот православных китайцев. Дошедшую до наших дней ужасающую информацию об обстоятельствах смерти мучеников можно почерпнуть из нижеприведённой Таблицы.

Важным вопросом является количество убитых за веру в те страшные дни. В церковном обиходе сформировалось понятие о 222 китайских мучениках. Именно такое количество погибших было внесено архимандритом Иннокентием в 1901 г. в список, поданный в Святейший правительствующий синод. Однако только на этом основании нельзя утверждать, что количество мучеников равнялось такому красивому числу. Мы усомнимся в этом факте и в противовес приведём ряд аргументов.

Двое, указанные в списке мучеников в 1901 г., в более поздних источниках приводятся как выжившие, а именно: внук Кира Чжан Фучэна Герман и дочь Алексея Чжан Фужуня Евдокия. При этом в «Сказании» появляются новые имена убитых, которые отсутствовали в списке 1901 г., например, сын Кира Чжан Фучэна Иоанн и др.

Из «Сказания» мы знаем о том, что невестка Кира Чжан Фучэна, имя которой неизвестно, с тремя детьми была убита и брошена в болото. Мы не знаем их имён, известно лишь, что они не были крещены. По традиции их можно считать принявшими крещение кровью.

Обстоятельства и место смерти целого ряда людей указаны как неизвестные, для многих пострадавших место смерти указывается с оговоркой. Кто-то пропал без вести, то есть существует определённая вероятность, что они могли выжить. Например, малолетний сын албазинца Петра Ли Юньаня Филимон указан в списке 1901 г. как погибший, однако в «Сказании» говорится о том, что он был брошен боксёрами на дороге и, вероятно, подобран местными жителями. То есть доподлинная его судьба неизвестна.

«Сказание» перечисляет имена и истории смертей почти всех людей из списка 1901 г., за исключением супруги и детей Павла Вана (не катехизатор), Николая Э/А (阿) с супругой и дочерью, дочери Сампсона Паня Ольги. «Сказание» написано достаточно подробно, в нём старательно перечисляются имена всех пострадавших, и остаётся загадкой, почему обойдены вниманием эти люди.

В материалах встречаются два эпизода, связанные с попыткой самоубийства. Есть свидетельства об Иосифе Луне, который был окружён боксёрами и в страхе мучений повесился на дереве при помощи пояса. Боксёры тут же после повешения отрубили ему голову. Остаётся неясной истинная причина его смерти, и неясно, как правильно

классифицировать этот эпизод. В другом, более раннем источнике, автор которого — тот же о. Авраамий, говорится, что Иосиф был задушен боксёрами верёвкой [11]. Семейство Алексея Вэнь Хэна до прихода боксёров в их дом отравилось опиумом. Отец семейства подвергся мучениям до наступления своей и домочадцев смерти от наркотика, боксёры извлекли у него сердце и ритуально кусали его.

В семействе Илии Цюаня был младенец, который не упомянут в списке архимандрита Иннокентия, но при этом информация о нём содержится в более поздних источниках — младенец был разрублен пополам. Стоит также отметить, что среди замученных женщин как минимум две были беременны.

В списке 1901 г. упоминаются погибшие дети Ивана Жуна — Нина и Мария, но почему-то забыт их брат Василий и дочь Михаила Цюаня Елена, погибшие от плохого содержания в стане боксёров, а также находившаяся вместе с ними дочь Александра Чэна Мария, погибшая там же.

В списке 1901 г. в семействе Феодора Юэ упоминается только одна дочь Елизавета, а в «Сказании» вместе с ней фигурирует ещё и Татьяна 18 лет. В списке отдельно записана Татьяна 19 лет без семейной принадлежности. С большой долей вероятности это одна и та же мученица.

Сохранились сведения о том, что у мученицы Матроны Лянь, помимо упомянутой в списке дочери, была старшая дочь, которая была замужем за язычником. Когда началось восстание, родные мужа уморили её голодом [31]. Тут же стоит упомянуть, что по списку 1901 г. у Минодоры Ван была дочь Анна, которая была замужем за язычником. Примечательно, что в «Сказании» таковая отсутствует.

Неточность подсчётов подтверждается и следующей фразой из воспоминаний о. Авраамия, написанных сразу после трагедии: «Трудно сказать, сколько собственно убито было наших христиан в эту ночь. Несомненно, что многие из них бежали и ещё не вернулись, найдутся, может быть такие, которые и не вернуться, но едва ли их будет много. Если же принять во внимание, что теперь вернулось к нам около ста человек, да столько же ещё вернётся, а всех было до 500 человек, то всех убито с прежде убитыми около трёхсот человек» [11].

Есть расхождение также и в датах мученического подвига в источниках. Например, иеромонах Авраамий в своих воспоминаниях под названием «Пекинское сиденье» указывает, что в день сожжения Бэйгуани было убито 29 православных христиан. Однако ни в списке 1901 г., ни в «Сказании» мы не находим среди дат кончин 1 июня.

Очевидно, ошибочно указаны даты смерти всех пострадавших жителей деревни Дундиньянь, которые приравнены к дате сожжения

храма в деревне. Большинство из них пострадали после нескольких дней скитаний.

В таблице мы находим несоответствия и в сведениях о возрасте ряда убиенных — различается возраст, указанный в списке 1901 г. и в «Сказании». Возможно, это связано с методом подсчёта возрастных лет, так как по китайской традиции возраст определяется исходя из количества пережитых лунных новолетий. Новорождённый считается годовалым, если родился после дня нового года по лунному календарю, а если он родился накануне лунного нового года, то в первый день года он будет считаться уже двухлетним [1].

На приближительность указания возраста убитых указывает и следующий факт. Согласно списку 1901 г. на момент мученической кончины иерею Митрофану было 45 лет, а его супруге Татьяне — 44. Однако в послужном списке о Митрофана за подписью начальника 17-ой Миссии архимандрита Амфилохия (Луговина) указано, что в 1884 г. Митрофану Ян Цзи было 29 лет, тогда как его супруге Татьяне — 26 [28]. Очевидно расхождение в возрастной разнице между супругами в двух источниках. Такая же картина с возрастом двух катехизаторов — Иннокентия Фаня и Павла Вана. По списку 1901 г. их возраст на момент мученической кончины в 1900 г. был 48 и 36 лет соответственно, однако в документе 1897 г., представленном в Синод, он указан как 40 и 34 года [29].

При работе с таблицей стоит также учитывать, что отследить родственные связи маньчжуров по их именам весьма затруднительно. До XX в. они не пользовались фамилиями, которые передавались бы из поколения в поколение, а привыкли называть друг друга по именам, в качестве фамилий часто используя иероглифы имени родителя, которые менялись в каждом поколении. Фамилии в таблице часто указаны достаточно условно, исходя из имени старшего в семье.

При прочтении таблицы возникает и другой вопрос — почему мы не видим распространённых в литературе фамилий албазинцев? Ответ же заключается в том, что до 1911 г. албазинцы преимущественно носили не свои русские фамилии, а «маньчжурские», т.е. китайские, использовавшиеся маньчжурами. После свержения маньчжурской династии Цин они постепенно перешли на китайские, производные от своих русских фамилий. Например, Яо (Яковлевы) имели «маньчжурскую» фамилию Шуан, Ло (Романовы) — Мин, Ду (Дубинины) — Дэ и т.д.

В списке 1901 г. также присутствует путаница с сословиями. Например, напротив одних указывается, что они знаменные, напротив других — маньчжуры-воины. В действительности это одно и то же. Так, о священнике Митрофане сказано, что он маньчжур, из чего

можно предположить, что он не относился к знаменному войску, как другие, напротив чьих имён стоит такое указание. Однако в документах Миссии есть запись о его принадлежности к знаменным войскам [28].

В связи с этим хочется отметить, что по сравнению с протестантами и католиками, которые вели миссионерскую деятельность главным образом среди крестьянского населения, православные китайские верующие в большинстве своём, относясь к знаменным, являлись представителями аристократии.

В семьях албазинцев сохранились чрезвычайно скудные сведения о погибших в 1900 г. родственниках. Вероятно, ввиду того, что к ним в основном относились как к жертвам насилия, а не погибшим за веру святым мученикам (что только подтверждает факт отсутствия канонизации в 1902 г.). Однако редкие потомки абазинцев всё же называют имена погибших в 1900 г. Например, Анна Ло, проживающая в Тяньцзине, свидетельствует о погибшем деде по имени Иван, которому убийцы раскололи череп.

На основании приведённого анализа можно предположить, что не были зафиксированы сведения обо всех пострадавших. Несмотря на то, что спустя более 15 лет архимандрит Авраамий предпринял попытку восполнить этот пробел, эта информация также не является исчерпывающей и оставляет пространство для вопросов. К большому сожалению, членами Миссии не были зафиксированы китайские имена мучеников.

Дальнейшее изучение обстоятельств смерти китайских православных может привести нас к мысли об уточнении чина святости некоторых из них. В силу наличия сведений о смертях в результате болезни от плохого обращения со стороны родственников-язычников, долгих скитаний в попытках спастись, невыносимого содержания в боксёрских станах, вероятно, нужно некоторых из них именовать не мучениками, а исповедниками.

Ужасные убийства и погромы прекратились лишь в августе. 1 августа 1900 г. войска международной коалиции вошли в Пекин, и к концу месяца ихэтуани были окончательно изгнаны из города. На улицах города дымились пожарища, лежали неубранные трупы и брошенное оружие.

На второй день после вступления в Пекин союзных войск миссионеры вернулись в Бэйгуань и обнаружили обгорелые руины зданий Миссии. Китайские верующие думали, что все европейцы погибли, поэтому несказанно обрадовались, увидев миссионеров живыми. В эти дни было пролито множество слёз горя и радости —

люди узнавали о смертях близких и радовались чудесному обретению выжившими своих родственников [15, 192].

Архимандрит направился в соседний ламаистский храм Юнхэгун (雍和宮). По воспоминаниям албазинцев именно там удалось укрыться некоторым православным, включая будущего епископа Пекинского Василия Яо Фуаня (姚福安), который в ту пору был подростком. Юнхэгун и пепелище Бэйгуани тогда находились в подконтрольной японской армии части города, поэтому архимандриту Иннокентию пришлось просить японского посланника позволить занять помещения храма, включая бывший императорский дворец [11, 110].

Здания дворца были удобны для размещения разорённых христианских семейств, которые приходили к архимандриту. В одной из зал была устроена временная церковь, в которой китайцами стала совершаться ежедневная служба о мученически пострадавших родственниках. Для размещения семейств, лишённых крова, начальник Миссии купил вблизи пепелища несколько десятков полуразрушенных домов (фанз), в которых можно было перезимовать [15, 192].

Сразу после окончания осады посольств, т.е. спустя два месяца после трагедии, русские миссионеры с выжившими христианами стали хоронить убитых. К сожалению, до нас не дошло никакой информации о том, что происходило с телами в течение прошедшего времени. Есть свидетельство о том, что из колодца останки замученных боксёрами православных китайцев были извлечены только после подавления восстания. Важно отметить, что, несмотря на жаркое пекинское лето, многие из тел оказались нетронуты тлением [37].

Тела многих из мучеников были разрублены на куски, в связи с чем идентификация их фрагментов зачастую была невозможной, иные были сожжены, некоторые сделанные сразу после трагедии захоронения за городской стеной было не найти, обстоятельства гибели некоторых людей были неизвестны. Все собранные после окончания мятежа останки были похоронены в общей могиле в усадьбе Миссии [6]. Иеромонах Авраамий (Часовников) отдельно совершил погребение о. Митрофана.

В июле 1901 г. начальник 18-ой РДМК Иннокентий (Фигуровский) был вызван в Петербург, где после получения сведений о страшной трагедии в Пекине возникли намерения закрыть Миссию. Но, благодаря первенствующему члену Синода митрополиту Санкт-Петербургскому и Ладожскому Антонию (Вадковскому), она не только была спасена, но и получила удвоенное содержание, а её начальник был возведён в епископский сан 3 июня 1902 г. [15, 194].

11 октября 1901 г. архимандрит Иннокентий представил в Синод список православных китайцев, убитых за веру в Пекине в

1900 г. К списку было приложено его ходатайство (документ № 104) о разрешении в память мучеников устроить на месте разорённой Успенской церкви в Пекине храм в честь Всех святых мучеников со склепом под алтарём для погребения в нём останков убитых. Иннокентий предложил установить для православной общины в Китае 10 июня соблюдение строгого поста и совершение заупокойной литургии с панихидой по убитым, а 11 июня совершение богослужения во имя всех святых мучеников православной церкви с крестным ходом на места избиения православных китайцев или вокруг храма с пением ирмосов канона Великой субботы «Волною морскою» и после обычного многолетствия провозглашение вечной памяти всем честно пострадавшим за православную веру китайцам [39].

Синод посчитал нужным получить заключение Министерства иностранных дел по этому вопросу (документ № 4207 от 24 октября 1901 г.). В документе Синода № 1097 от 12 марта 1902 г. содержится уведомление об отсутствии у министерства каких-либо возражений на счёт «способов увековечения памяти погибших православных китайцев» [33].

Указом № 2874 от 22 апреля 1902 г. Синод удовлетворил прошение архимандрита и определил: «Преподавать Российской Духовной Миссии в Китае благословение на приведение в исполнение изложенных в представлении архимандрита Иннокентия предположений относительно увековечения памяти православных китайцев, мученически пострадавших за веру во время боксёрского восстания в Китае в 1900 г., устройством в Пекине храма в честь Всех Святых Мучеников Православной Церкви, со склепом, для погребения в нём костей избиенных православных китайцев, и установлением для православной общины в Китае ежегодного празднования 10 и 11 июня, порядком, указанным в вышеупомянутом представлении, с совершением в последний из сих дней, если местные условия позволят, крестного хода к местам избиения православных китайцев или вокруг храма».

Иными словами, в память о пострадавших за Христа китайских мучениках стало совершаться заупокойное богослужение. В дальнейшем именно так и почиталась их память.

Однако во многих современных публикациях о православных мучениках 1900 г. ошибочно говорится о совершении их канонизации в 1902 г. Эта информация широко растиражирована, но не соответствует исторической действительности. Читая материалы РДМК, мы видим, что на протяжении десятилетий её существования после трагедии мученикам не составлялось служб, не служились молебны, не писались иконы, а совершалось заупокойное богослужение. Так и описав их смерть в «Сказании» 1917 г., архимандрит Авраамий до-

бавил: «Упокой, Господи, души рабов Твоих — иерея Митрофана и иже с ним и сотвори им вечную память!» [31]. Заупокойное богослужение упоминается и в описании торжеств по случаю 250-летия православия в Китае в 1935 г. Акта прославления их в лике общецерковных или местночтимых святых мучеников не было.

На основании соглашения между цинским правительством и российским посольством РДМК получила компенсации за погибших православных верующих — за взрослых по 100 лян серебра, а за детей и подростков по 50 лян серебра. На полученные в качестве контрибуции 18000 лян серебра были куплены дома для китайских семей, обустроена домовая церковь, школа и пансион для сирот, пострадавшим были выданы подъёмные пособия. А ранее, зимой 1901 г. пекинские православные получили собранную москвичами по подписке в редакции «Московских ведомостей» значительную сумму. Святой праведный Иоанн Кронштадтский прислал пекинцам сто рублей с обещанием молитвенной помощи [35]. Помимо этого епископ Иннокентий приобрёл обширные земельные участки, на которых устраивались церкви, монастырские общежития, библиотеки, предприятия, где трудилась китайская паства [6].

К 1903 г. на месте сожжённой Успенской церкви был построен храм Всех святых мучеников. Это был белокаменный двупрестольный храм в древнерусском стиле, который венчали пять куполов. На второй этаж к площадке перед входом в церковь святителя Николая с двух сторон вели лестницы. Храм Мучеников стал символом Миссии и изображался на титульном листе периодического издания «Китайский благовестник» [13].

Возле Бэйгуани была приобретена часть поместья с дворцом сына императора Цяньлуна (乾隆) Сыефу (四爷府). Дворец принца стал резиденцией начальника Миссии, в одном крыле дворца была устроена домовая церковь в честь святителя Иннокентия Иркутского. На контрибуцию, полученную от китайского правительства, были также воздвигнуты Успенская церковь в 1903 г., каменный храм во имя ап. Иоанна Богослова в деревне Дундинъань и т.д.

За воротами Аньдинмэнь у разветвления просёлочной дороги в 1900 г. боксёры зарыли трупы замученных христиан. В середине июля 1901 г. китайское правительство в качестве компенсации за разрушенные здания предоставило право РДМК обнести это место стеной без всяких расчётов с собственниками земли. Этот факт зафиксирован в соглашении от 9 июля 1901 г. между секретарём Канцелярии Министерства иностранных дел коллежским асессором П. Рудановским и командированными по высочайшему указу китайскими уполномоченными князем Цином и канцлером Ли, чжилей-

ским фаньтаем⁶ Чжоу и юньнаньским хлебным даогаем⁷ Ли. Копия этого соглашения была прислана Министерством иностранных дел в Синод 6 сентября 1901 г. [26]. На этом месте образовалось новое русское православное кладбище, где в 1903–1906 гг. была выстроена церковь в честь преподобного Серафима Саровского.

После трагедии начальнику Миссии нужно было принимать решение, как поступить с отступниками из его паствы, которые исполнили все требуемые от них знаки языческого почитания, но позднее вернулись в общину, осознавая свою вину и прося принять их обратно. Никто их не укорял отступничеством, но они приходили к русским миссионерам и приносили своё раскаяние, плакали [5]. Иннокентий послал в Синод извещение о раскаянии отрекшихся китайцев с разделением их на три разряда по виновности и вопросом, как принять их в Церковь [11, 94]. В августе 1902 г. христиане с возвращением епископа Иннокентия в Пекин получили радостное известие о позволении Синода вновь присоединиться к православной церкви. Присоединение совершалось очень торжественно [25].

В 1903 г. впервые совершался праздник в честь всех святых мучеников, отмечалась годовщина избиения христиан в Пекине. Типография Миссии выпустила печатные листы на двух языках с текстом указа Синода № 2874 от 22 апреля 1902 г. для раздачи всем участникам торжества. Праздник длился два дня: 10 июня был днём поста и поминовения, а 11 июня — праздничного богослужения.

10 июня 1903 г. было совершено освящение склепа и с малым крестным ходом при пении ирмосов погребального канона перенесение останков мученически погибших в склеп под церковь. Этому предшествовало извлечение из земли их останков [25]. К вечеру они были уложены на продолговатом столе, спелёнаты в шёлковые ткани и промасляный холст. По прибытии епископа Иннокентия началось пение зауспокойной всеобщей с коленопреклонением (парастаса). Попеременно звучало молитвенное пение на славянском и китайском языках. Поучение на кафизмах произнёс сын убитого священника Митрофана тогда ещё катехизатор Сергей Чан, представивший историю создания церкви Христовой от начала мира и обративший особое внимание слушателей на то, что кровь мучеников была всегда живительной влагой, которая поила её корни и украшала её цветами благочестия. После в склепе всю ночь читалась псалтирь [36].

11 июня ранним утром была отслужена зауспокойная литургия в Успенской церкви. Во время литургии иконостас был украшен цве-

⁶ Вице-губернатор или председатель казённой палаты.

⁷ Инспектор по различным отраслям провинциального управления.

тами, в руках все молящиеся также держали цветы. В службе участвовали все священнослужители Миссии. По её окончании начался молебен всем святым мученикам [25], и при пении канона Великой субботы крестный ход направился к склепу мучеников [36].

В склепе епископ Переяславский Иннокентий прочёл над телами погребаемых разрешительную молитву, после ектенги могилы были окроплены святой водой. При пении ирмоса «Не рыдай мене Мати...»⁸ тела мучеников были опущены в шесть мраморных усыпальниц, ставших их общей братской могилой, и закрыты мраморными плитами с изображением крестов. В архивных источниках нигде не упоминается число найденных и захороненных в этом месте мучеников. Провозглашена «Вечная память» всем пострадавшим за веру в Китае [36].

По совершении литии в склепе шествие направилось через ворота монастыря к местам, где только что погребённые христиане были мучимы и убиты. На местах их мученической кончины были совершены литии, в том числе и у места массовой смерти мучеников — у ворот приюта, называемого Треугольником (в память о погибших на этом месте Миссия построила здесь странноприимный дом на 60 человек, предназначенный для китайского населения, причём не только православного [13]), где также совершалась лития. На обратном пути крестный ход прошёл на двор Миссии, где были совершены литии на местах смерти о. Митрофана и других убитых. Конечным пунктом крестного хода стало русское кладбище, расположенное за пекинской городской стеной на расстоянии трёх с лишним вёрст от Бэйгуани [36]. Под звон колоколов кладбищенской колокольни крестный ход входил на кладбище, где в церкви служилась лития и пелась «Вечная память» погибшим христианам.

Интересно, что в тот же день 11 июня 1903 г. утром в крестовой церкви было совершено крещение 16 китайцев, которым началась уже вторая сотня крещаемых после погрома. Этот достаточно интересный факт свидетельствует о том, что, несмотря на гонения и пережитый страх, Китайская церковь стала возрождаться, пополняясь новыми людьми.

С этого времени в храме Всех святых мучеников имена пострадавших стали ежедневно помянуть на проскомидии, а по субботам на литии [30], ежегодно 11 июня по старому стилю совершается торжественное поминовение погибших с крестным ходом. Такая процедура проведения праздника не нарушалась в течение десятилетий.

⁸ Ирмос 9-й песни канона Великой субботы.

Поместный собор Русской православной церкви 1917–1918 гг. аналогичным образом своим определением от 18 апреля 1918 г. [32] установил 25 января или в следующий воскресный день совершать молитвенное поминовение «всех усопших в нынешнюю лютую годину гонений исповедников и мучеников». Собор призывал совершать в этот день крестные ходы на места убиения и погребения новых мучеников с совершением там заупокойных богослужений.

В 1935 г. проводились торжества по случаю 250-летия РДМК и были воздвигнуты три памятника в честь убитых за веру в 1900 г. Первый — на месте убийства священника Митрофана, второй — в саду у колодца, куда боксёры сбрасывали тела умученных ими православных китайцев, третий — у свечного завода Миссии [37].

Во время торжеств в храме Всех святых мучеников была отслужена лития по убиенным православным китайцам, был совершён крестный ход ко всем трём памятникам, где начальник 20-й РДМК епископ Пекинский и Китайский Виктор (Святин) прочитал молитву освящения и окропил памятники святой водой.

Первый и третий памятники представляли собой ажурные металлических кресты на гранитных основаниях. Второй был сделан из белого мрамора, для его фундамента были взяты камни из колодца, в который 35 лет тому назад сбрасывались тела мучеников, а у подножия памятника установлено гранитное кольцо, служившее отверстием колодца. На русском и китайском языках на лицевой стороне была высечена надпись: «Блажен его же избрал и приял еси, Господи. Памяти 222 православных китайцев, во имя Христова мученически пострадавших здесь 10-го июня 1900 года». На другой стороне была высечена надпись: «Освящён в 250-летнюю годовщину Российской Духовной Миссии в Китае. 1685–1935» [37].

В 1954 г. ввиду политических причин РДМК была упразднена. В те годы китайское правительство проводило политику автономности китайских религиозных организаций, разрыва их связей с иностранными религиозными центрами. Недвижимое имущество Миссии было передано китайскому правительству, движимое перешло в распоряжение архимандрита Василия (Яо Фуаня). Территория Бэйгуани была передана китайским правительством в использование посольству СССР (ныне посольство РФ). Храмы и монастыри на территории Бэйгуани были осквернены и разрушены по указанию посла СССР в КНР П.Ф. Юдина, в том числе в 1957 г. были разрушены и храм Всех святых мучеников вместе с памятником китайским мученикам [19].

2 января 1957 г. архимандрит Василий (Яо Фуань) обратился к Патриарху Московскому и всея Руси Алексию (Симанскому) за бла-

гословением на перенесение останков мучеников в Серафимовский кладбищенский храм в связи с запросом китайских властей, связанным с изъятием территории Бэйгуани из церковного пользования и её передачей Посольству СССР. 12 января 1957 г. своей телеграммой Патриарх Алексий I благословил перенесение праха мучеников в кладбищенский храм. В январе 1957 г. останки мучеников, по воспоминаниям внучки епископа Йо Фуаня, были сложены в два гроба и перезахоронены рядом с церковью преп. Серафима Саровского.

А уже в 1958 г. решением властей на части миссийского кладбища и на примыкавших к нему землях начались работы по обустройству парка «Озеро молодёжи» (Циньяньху 青年湖公园). При оформлении озера парка была затоплена часть кладбища. Однако эти работы не затронули церковь, оставшаяся часть кладбища оставалась действующей. Когда 3 января 1962 г. упокоился епископ Пекинский Василий (Йо Фуань), его похоронили на этом кладбище. В тот же год была совершена последняя служба в Серафимовской церкви. Затем помещение церкви стали использовать под склад.

В 1966 г. парк был переименован в «Парк красной молодёжи» (红色青年公园). В августе того же года кладбище подверглось осквернению. Отряды хунвэйбинов, состоявшие из учащихся средних школ Пекина, в рамках кампании по борьбе с «четырьмя пережитками», вероятнее всего по указанию свыше, разгромили кладбищенские памятники, находившиеся в центральной части парка. Был осквернён и кладбищенский храм. Были вскрыты, разорены и подверглись надругательству находящиеся в склепе гробницы епископов Иннокентия, Симона и Василия (Йо Фуаня). Не были разрушены тогда только несколько могильных памятников, имевших отношение к захоронениям советского посольства.

Согласно представленному в МИД КНР Народным комитетом г. Пекина «Запросу инструкций относительно разрешения ситуации с разрушенным православным кладбищем» от 20 сентября 1966 г., кладбище имело ограждающую его стену, занимало площадь в 9 му (0,6 га), содержало 318 захоронений (вероятно, исключая затопленные в 1958 г.) [20]. В документе содержался запрос на закрытие кладбища и передачу его парку. Предполагалось сохранить три могилы советского посольства (включая могилу тёщи одного из основателей КПК Ли Лисаня 李立三), а остальные уже разрушенные могилы не сохранять. Зачистку территории было предложено осуществить силами парка.

Секретный документ иностранного департамента Народного комитета г. Пекина от 7 ноября 1966 г. «Дополненная информация о пекинском советском православном кладбище» [12] подтверждает, что

захоронения двух русских епископов сохраняться не будут, но будут глубоко закопаны на месте прежнего кладбища. Народный комитет Пекина постановил передать территорию кладбища парку, сохранив лишь захоронения, имеющие отношение к посольству СССР, а также три захоронения русских, сделанные после 1949 г., осуществив перенос их на другое кладбище (东郊外侨公墓). От остальных захоронений было решено избавиться.

Зачистка кладбища была завершена к 1968 г. Сведений о том, переносились ли при этом какие-то иные, кроме указанных, захоронения и куда, не найдено. В это время был разрушен купол Серафимовской церкви. 28 января 1976 г. была разрушена кладбищенская ограда. В 1977 г. были завершены работы по обустройству водного канала с северной стороны кладбища. 25 марта 1987 г. Комитет по вопросам национальностей и Управление по делам религий г. Пекина выразили согласие провести озеленение и обустройство территории кладбища силами Паркового управления г. Пекина, а также снести здание церкви [16]. Посольство СССР не предприняло мер по сохранению памятника русского присутствия в столице Китая. Здание храма в 1987 г. было разрушено.

В парке Цинняньху на месте церкви и кладбища сейчас располагается поле для игры в гольф. С западной стороны поля сохранился участок старой кладбищенской стены, сохранилась северная лестница кладбища, а при внимательном осмотре парка можно наткнуться на куски могильных плит. Есть определённые основания полагать, что останки китайских мучеников до сих пор покоятся в Пекине на месте расположенного в парке поля для гольфа.

9 сентября 1996 г. Архиерейский собор Русской православной церкви за рубежом (РПЦЗ) на основании представленного архиепископом Сиднейским и Австралийско-Новозеландским Иларионом доклада (очевидно инспирированного эмигрировавшими в Австралию китайскими православными верующими) постановил совершать память святых китайских новомучеников 11/24 июня. С момента данного решения в месяцесловах РПЦЗ присутствует память китайских мучеников, совершаются им службы, написана икона. Первое богослужение китайским мученикам произошло в день их памяти в 1997 г. в Покровском храме в пригороде Сиднея Кабрамагте. Службу возглавил архиепископ Иларион (ныне — Первоиерарх РПЦЗ).

Вслед за этим Синод Русской православной церкви (РПЦ) 17 апреля 1997 г. вынес решение о богослужебном почитании мучеников Китайской автономной православной церкви, убиенных за Христа в 1900 г. Если пренебречь очевидной неточностью — «восстановить исполнение Указа Святейшего Синода № 2874 от 22 апреля 1902 г. о

почитании в лике местночтимых святых (*а как показано выше, в Указе говорится о заупокойном поминовении*) мучеников священномученика Митрофана и 221 православных мирян с ним в Китае пострадавших», то указанное синодальное решение 1997 г. можно считать актом прославления РПЦ китайских мучеников в лике местночтимых святых. Днём их памяти определено 11/24 июня [8].

На основании решения Синода РПЦ от 17 февраля 1997 г. временным главой Китайской автономной православной церкви является Патриарх Московский и всея Руси. В соответствии с принятым 25 марта 1993 г. Синодом РПЦ порядком канонизации местночтимых святых, право канонизации местнохрамовых и местноепархиальных святых принадлежит правящему архиерею с ведома и благословения предстоятеля церкви — Патриарха Московского и всея Руси.

Однако после 1997 г. китайские мученики отсутствовали в календаре Московского патриархата (т.к. в общецерковном календаре не указываются местночтимые святые). Тем не менее по местам — в некоторых храмах Москвы и дальневосточных епархий РПЦ, приходах в Китае, приходе Антиохийского патриархата в Бостоне — им совершались богослужения, были написаны иконы как собора, так и отдельных мучеников.

После подписания Акта о каноническом общении между Московским патриархатом и РПЦЗ в мае 2007 г. решением Архиерейского собора РПЦ 2008 г. Синоду было поручено в межсоборный период рассмотреть вопрос прославления святых РПЦЗ, канонизированных в период разделения.

Соответствующая работа велась в специально сформированной рабочей группе, созданной Синодом 6 октября 2008 г. (журнал № 73) [9]. С 2013 г. она была продолжена в рабочей группе по согласованию месяцесловов Московского патриархата и РПЦЗ. Благодаря тому, что со стороны Московского патриархата группу возглавил хорошо знакомый с проблематикой православия в Китае председатель Отдела внешних церковных связей митрополит Волоколамский Иларион (Алфеев), а в состав рабочей группы вошёл ответственный за китайское направление ОВЦС МП Д.И. Петровский, тема китайских мучеников оказалась одной из первых из рассмотренных.

Архиерейский собор РПЦ 2–3 февраля 2016 г. принял определение об общецерковном прославлении ряда местночтимых святых, в т.ч. ряда святых, прославленных РПЦЗ в период разделения. Данным решением благословлено общецерковное почитание «священномученика Митрофана пресвитера и иже с ним пострадавших мучеников многих, принявших мученические венцы в 1900 г. в Пекине». Датой

общецерковного почитания мучеников справедливо был избран день 10/23 июня — дата кончины о. Митрофана.

Собор не стал определять число мучеников, так как доподлинно неизвестно, сколько точно людей пострадали за веру в эти дни, а анализ списка 1901 г. из 222 пунктов и сопутствующих источников приводит к выводу об ином их количестве.

Собор постановил сообщить предстоятелям всех поместных православных Церквей о прославлении китайских мучеников для внесения их в месяцесловы мирового православия.

В настоящее время известны следующие богослужебные тексты в память китайских мучеников:

1. Великобденная служба китайским новомученикам, составленная в 1997 г. сёстрами Покровского монастыря в Княжево (Болгарская старостильная православная церковь) по благословию архиепископа Сиднейского и Австралийско-Новозеландского Илариона (РПЦЗ). Она используется в РПЦЗ до настоящего времени.

2. Бденная служба китайским новомученикам, написанная монахиней Надеждой (Соболевой, 13.07.1922—30.04.2001) (РПЦ МП) с использованием только одного источника — опубликованного в «Китайском благовестнике» в 1917 г. и перепечатанного там же в 1932 г. «Сказания». Текст службы опубликован в издаваемом по благословию митрополита Смоленского и Калининградского Кирилла журнале «Китайский благовестник» № 2 за 1999 г. Служба используется в приходах Московского патриархата и РПЦЗ, однако она не прошла процедуру утверждения Синодальной богослужебной комиссией. Существует её перевод на китайский язык.

3. Иной извод этой службы в редакции 2001 г. монахини Кассии (Сениной) юрисдикции РПАЦ (Российская православная автономная церковь)⁹ опубликован на сайте Свято-Елисаветинского прихода РПАЦ в Санкт-Петербурге. Сведений об использовании не имеется.

4. Бденная служба китайским новомученикам была также составлена в Спасо-Преображенском монастыре в Святой православной церкви Северной Америки¹⁰ (Бостон, США) на английском языке. Сведений об использовании не имеется.

Надеемся, что в скором времени будет исполнено определение Архиерейского собора РПЦ 2016 г. о составлении службы священномученику Митрофану и иже с ним в Пекине пострадавшим мучени-

⁹ Не признана ни одной из поместных православных Церквей и не имеет с ними евхаристического общения.

¹⁰ Неканоническая старостильная юрисдикция.

кам, которая получит одобрение высшей церковной власти для повсеместного употребления в храмах РПЦ.

Стоит особо отметить, что почитание православных китайских мучеников никогда не вызывало негативной реакции китайских властей — ни в императорском, ни в республиканском Китае, ни в КНР. Это может быть объяснено местным характером почитания среди немногочисленных православных общин. Более того, упомянутое выше решение властей о перенесении их останков из Бэйгуани на кладбище у ворот Аньдинмэнь можно рассматривать как проявление определённой заботы со стороны государственных властей.

В день памяти китайских мучеников в 2012 г. председатель ОВЦС МП митрополит Волоколамский Иларион по согласованию с китайскими властями совершил божественную литургию в Покровском храме г. Харбина. Представители Государственного управления КНР по делам религий, Управлений по делам религий провинции Хэйлунцзян и г. Харбина присутствовали на богослужении. Митрополит Иларион во время проповеди упомянул в самом позитивном ключе китайских мучеников, и это не вызвало острой публичной реакции китайских официальных представителей.

На фоне этого хочется вспомнить, что состоявшееся 1 октября (день образования КНР) 2000 г. прославление Ватиканом 120 католических священников и мирян, среди которых были и пострадавшие в ходе восстания ихэтуаней, вызвало жёсткую политическую реакцию Пекина. СМИ КНР назвали канонизацию «провокацией против китайского народа». На фоне сложных оценок в современном Китае восстания ихэтуаней, православная церковь никогда не давала ему политической оценки, предметом рассмотрения этой исторической темы является только судьба погибших за веру.

Из троих детей пресвитера Митрофана выжить удалось только среднему — Сергию (常福 Чан Фу, или Чан Сицзи 常锡吉 — с именем, фонетически производным от Сергия). Он стал первым после трагедии 1900 г. иереем, впоследствии был возведён в сан протоиерея. Умер в Тяньцзине в 1936 г. в возрасте 56 лет, похоронен в Пекине на кладбище за воротами Аньдинмэнь. В семье о. Сергия и его супруги Елены, урождённой Сюй (徐, умерла в 1968 г. от рака печени) было четверо детей — два сына и две дочери. Ныне в Пекине проживают две его внучки — Анна и Нина, которых автору удалось найти и опросить.

Судьбы китайских мучеников и их мощей нуждаются в более глубоком изучении. Помимо церковных источников полезно изучить архивы посольства Российской империи в Пекине и особенно материалы китайских архивов. Введение в научный оборот новых сведе-

ний, несомненно, обогатит синологию. Вместе с тем изучение этой темы не должно ограничиваться мучениками начала XX в. Своих исследователей ждут судьбы китайских православных исповедников, прошедших через горнило «культурной революции».

Литература

1. *Chin M.* Coming of age for a young Chinese Martyr. June 23, 2004 // URL: http://www.orthodox.cn/catechesis/age_en.htm
2. The Orthodox Church in Japan 2011.06 // URL: <http://www.orthodoxjapan.jp/jihou/201106.pdf>
3. *Алексеев В.М.* В старом Китае / Отв. ред. *Б.Л. Рифтин*. 2-е изд., испр. и доп. М.: Вост. лит., 2012. 511 с.
4. *Андреева С.Г.* Антимиссионерские выступления в Китае во второй половине XIX в. и особенности положения Пекинской духовной миссии // Общество и государство в Китае: XXXII научная конференция. 2002. С. 116–125.
5. Архимандрит Авраамий // Китайский благовестник. 1918. Вып. 7–8. С. 5.
6. Боксёрское восстание 1900 г. // Китайский благовестник. 1935. С. 105–108.
7. *Дацьшен В.Г.* История Российской духовной миссии в Пекине. Гонконг: Братство святых первоверховных апостолов Петра и Павла, 2010. 448 с.
8. Журнал заседания Священного Синода Русской Православной Церкви от 17 апреля 1997 г. // Журнал Московской Патриархии. 1997. № 6. С. 7–8.
9. Журналы заседания Священного Синода Русской Православной Церкви от 6 октября 2008 года // URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/470180.html>
10. Записка архимандрита Петра об албазинцах. № 70. 9 янв. 1831 г. // URL: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/China/XIX/1820-1840/Kamenskij_P_I/text1.htm
11. *Иеромонах Авраамий*. Пекинское сиденье: из дневника члена православно-русской миссии в Китае // Христианское чтение. 1901. № 1. С. 65–112.
12. Иностраннный департамент Народного комитета г. Пекина: Дополненная информация о пекинском советском православном кладбище. 7 ноября 1966 г.
13. *Кетинг К.Б.* Храм Всех святых мучеников в Бэйгуане (Пекин) // Православие на Дальнем Востоке. 2001. Вып. 3. С. 113–124.
14. *Корсаков В.В.* Пекинские события: личные события участника об осаде в Пекине. Май–август 1900 года. Изд. 2-е. М.: ЛЕНАНД, 2016. 416 с.
15. Краткая история Русской православной миссии в Китае, составленная по случаю исполнившегося в 1913 г. двухсотлетнего юбилея её существования. Пекин, 1916. 226 с. // URL: <http://elib.shpl.ru/ru/nodes/15257#page/197/mode/inspect/zoom/5>
16. *Ли Мэн 李萌*. Циньяньху юй Нибучу 青年湖与尼布楚 (Парк Циньяньху и Нерчинск). 2010 // URL: http://www.orthodox.cn/localchurch/beijing/201103qingnianhu_hans.htm

17. *Ломанов А.В.* Христианство и китайская культура. М.: Вост. лит., 2002. 446 с.
18. Материалы для актов мучеников в Китае. Записки священника о. Сергия Чан // Китайский благовестник. 1918. Вып. 5–6. С. 12–18.
19. *Нанара Д.Г.* Памяти Алапаевских мучеников, в земле китайской под спудом находящихся. 5 янв. 2005 г. // URL: <http://www.pravoslavie.ru/1838.html>
20. Народный комитет г. Пекина: Запрос инструкций относительно разрешения ситуации с разрушенным православным кладбищем. 20 сентября 1966 г.
21. Первые христианские мученики из православных китайцев // Китайский благовестник. 1935. С. 79–85.
22. *Священник Дионисий Поздняев.* Православие в Китае // Россия и современный мир. 2001. № 1. С. 165–181.
23. *Попов П.С.* Два месяца осады Пекина // Вестник Европы, № 2. 1901 // URL: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/China/XIX/1880-1900/Popov_P_S/2_mes_pekin_1.htm
24. Православие в Китае / Гл. ред. *Титаренко М.Л.* М.: Отдел внешних церковных связей Московского Патриархата, 2010. 256 с.
25. Праздник православной церкви в Китае в честь святых мучеников // Китайский благовестник. 1904. Вып. 6–7. С. 12–17.
26. РГИА. Ф. 796, оп. 180, д. 3567-а, л. 82, 83–86.
27. РНБ. Отдел рукописей. Ф. 1457, д. 191. Цзи Митрофан, катихизатор. О рукоположении его во священника и назначении на место катихизатора диакона из туземцев: рапорт начальника миссии архим. Флавиана (Городецкого) и определение Св. Синода по этому делу. 14 января — 30 октября 1881 г. Рукоп. копия. 3 л.
28. РНБ. Отдел рукописей. Ф. 1457, д. 197. Ведомость о службе начальника и членов Миссии. 14 января 1885 г.
29. РНБ. Отдел рукописей. Ф. 1457, д. 215. Представление в Св. Синод о назначении на свободные вакансии священника и учителя миссии Павла Ван и Иннокентия Фань. 5 октября 1897 г.
30. Святые мученики // Китайский благовестник. 1911. Вып. 8. С. 13–18.
31. Сказание о мучениках Китайской православной церкви, пострадавших в Пекине в 1900 году // Китайский благовестник. 1917. Вып. 12. С. 8–15, вып. 13–14. С. 5–8.. (То же // Китайский благовестник. Пекин. 1932. № 6. С. 6–17; там же. М., 2000. № 1. — *Отв. ред.*)
32. Собрание определений и постановлений Священного Собора Православной Российской Церкви 1917–1918. М., 1994 [репринт с изд.: М., 1918]. Вып. 3. С. 55–57.
33. *Спешинева К.Н.* Убитые за веру // Православие на Дальнем Востоке. Вып. 4: Сб. статей / Под ред. *Боголюбова М.Н.* СПб.: Изд-во СПбГУ, 2004. С. 63–71.
34. Список православных христиан, избивенных в Китае в 1900 году // Известия Братства православной церкви в Китае, № 6–7, 1 июля 1904 г. С. 3–11 // URL: <http://orthodox.cn/localchurch/izvestijabratstva/1904/190407...htm>

35. Феникс // Известия братства православной церкви в Китае. 1905. Вып. 2. С. 1–4.
36. Хроника церковной жизни. Праздник всех св. мучеников // Известия Братства православной церкви в Китае. 1905. Вып. 2. С. 9–14.
37. Церковные торжества в Пекине по случаю 250-летнего юбилея Российской духовной миссии в Китае // Китайский благовестник. 1935. С. 13–20.
38. Похвала убиенным // Известия Братства православной церкви в Китае. 1905. Вып. 8. С. 5–8.
39. РГИА. Ф. 796, оп. 182, д. 4123, л. 1–9.

L.A. Afonina

**Chinese Orthodox martyrs of 1900:
survey of historical sources and church veneration**

ABSTRACT: The author summarized and thoroughly examined all available sources on the Chinese Orthodox martyrs, who had suffered during the Yihetuan (Boxer's) uprising in 1900, analyzed the wide-spread historical myths concerning this topic and described the procedure of glorification and the practice of veneration of the Chinese martyrs in the Orthodox Church in different historical periods.

KEYWORDS: Chinese Orthodox martyrs, Yihetuan uprising, Boxer's rebellion, Orthodoxy in China, Russian Orthodox Mission in China, Christianity, Beiguan, Abazinians, Church of All Holy Martyrs in Beijing, Bishop Innokenty (Figurovsky), Russian cemetery in Beijing.

* Cand. Sc., staff scientist at Centre of political researches and prognosis of the Institute of Far Eastern Studies of the Russian Academy of Sciences (IFES RAS).